

ПО ТУ СТОРОНУ РЕКИ

Марина Козинаки
Софи Авдюхина

ПУСТЫЕ ХОЛМЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К59

Дизайн обложки
Марины Козинаки и Веры Голосовой

К59

Козинаки, Марина.

Пустые Холмы : роман / Марина Козинаки, Софи Авдюхина. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 896 с. — (По ту сторону реки).

ISBN 978-5-17-127381-1

Светлые маги решают, что опасность слишком велика и теперь им необходим Союз Стихий. Еще ни разу его не собирали специально, однако нет времени ждать знака свыше. Воспитанники Заречья, Китежа и Дивноморья должны встретиться и найти тех самых магов, которым удастся сработаться. Маргариту, Полину, Митю, Севу ждет большое путешествие, полное тайн и новых знаний, но вот приведет ли оно их к Союзу Стихий?

Тем временем Темные маги выходят на связь и предлагают объединение, отказ от которого грозит Ирвингу бедой.

Это заключительная часть саги. Героини дождутся своего посвящения, герои обретут то, что искали; судьба свяжет все ниточки воедино. И каждый читатель в конце концов сможет перешагнуть реку и очутиться по ту ее сторону.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127381-1

© М. Козинаки, С. Авдюхина, 2020
© М. Козинаки, дизайн обложки, иллюстрации, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Словарь

Привет, потусторонний! Если ты еще не бывал в Росенике, то тебе стоит ознакомиться с некоторыми терминами, которые мы часто используем. Возможно, часть из них тебе знакома, но в вашем мире они наверняка имеют другое значение.

Этот словарь исправлен и дополнен историком, исследователем магических культур всего мира и действующим наставником Заречья — Нестором Ивановичем.

Амагиль — небольшой стеклянный или хрустальный сосуд, используемый для смешивания и хранения снадобий.

Анчутка — чертик ростом до полуметра. Официально относится к классу нечисти, но в отличие от других представителей этого класса не опасен для колдунов и не агрессивен. Если вы встретитесь с нашим Нестором Ивановичем, он вам, конечно, расскажет много научных фактов об этих существах: о классификации анчуток, о строении их тела и о принципах работы их магии. Ну а пока что вам просто надо знать, что анчутка может неожиданно запрыгнуть вам на колени, если вы будете болтать ногами под столом.

Белун — существо, которое может жить в избушке на курьих ножках вместо домового или шушеры. Ходит как на двух, так и на четырех ногах — исходя из ситуации. Покрыт длинной белой или светло-серой шерстью. Не любит холод, сквозняки и сырость. Часто простужается.

Вече, или **Вече Старейшин** — официальное название организации, призванной облегчить управление сообществом Светлых магов. В Вече входят представители двенадцати самых древних и уважаемых родов. Само слово «вече» пришло

к нам из далекой древности, а у нас в Росенике все просто обожают древность!

Волхв — по одной легенде, старинное название любого мага. А по другой — также название для колдуна, тесно связанного с природой, — понимающего голоса зверей и птиц, умеющего хорошо работать с растениями. Термин перестал широко использоваться, после того как возник спор, кого же именно можно именовать волхвом. В Росенике употребляется реже, а вот в северном Зорнике состоит в обиходе почти всех горожан.

Домовой — представитель маленького разумного народца. Чаще всего один домовой берет под покровительство один дом или одну конкретную семью. Требует уважения и почитания, взамен устанавливает очень сильное защитное колдовство, оберегающее жилище. Может помогать по хозяйству, а может вообще ни разу не показаться на глаза в течение десятка лет — такому домовому достаточно, чтобы о нем просто лестно отзывались. Состоит в далекой родственной связи со скандинавскими ниссе.

Друид — термин, заимствованный у кельтских собратьев еще много веков назад. Колдун, чаще всего Земляной, имеющий особую связь с миром растений и животных. Может понимать язык зверей и птиц, слышать растения, перенимать от них знания. Нередко является перевертышем. Этот термин не является официальным, он попал в наш язык случайно. Вы частенько можете услышать, как чей-нибудь дедушка продолжает по старинке называть подобных колдунов волхвами.

Зеркальник, или **зеркальный коммуникатор** — складное карманное зеркало, используемое колдунами для связи друг с другом. Зеркальники настраиваются под каждого конкретного мага в зависимости от его стихии. Эффективны только тогда, когда магический фон окружающего пространства не очень сильный. В остальных случаях сбоят и ломаются. В Заречье почти не работают.

Мерек — водяной черт. Бывает до метра в высоту. Не слишком агрессивное, но в меру опасное существо, получающее заметную силу на русалью неделю.

Морянка — существо, обитающее в реках, озерах и больших прудах. Не любят маленькие водоемы со стоячей и теплой водой. Имеют сросшиеся задние конечности с двумя большими плавниками вместо ступней, что внешне напоминает рыбий хвост. Живут морянки большими семьями, с себе подобными враждуют редко. Хищные, опасные как для потусторонних, так и для колдунов. Питаются свежим мясом. На русалью неделю их хвосты превращаются в ноги (хотя и достаточно слабые), из-за чего бродить возле рек и по лесам в темное время суток становится опасно. Их магия частично схожа с силой Воздушных колдунов: они легко затуманивают сознание своими песнями, лишают воли, путают мысли, обманывают.

Наяда — международный термин. Был принят на 167 мировой конференции магов для обозначения любой нечисти, имеющей внешне полное сходство с человеком. Этим словом мы чаще всего называем морянок, которые на русалью неделю меняют свой рыбий хвост на ноги и становятся поразительно похожими на нас.

Пегас — существо, напоминающее большого коня с крыльями. На самом деле пегас имеет своими предками драконов, это хорошо заметно по строению его черепа и зубам. Тем не менее мы держим их вместе с лошадьми.

Перевертыш — колдун, способный трансформировать свое тело в тело какого-либо животного.

Световик — кристалл-светильник, начинающий излучать свет от прикосновения колдуна.

Шушера — существо, которое может жить в вашей избушке на куриных ножках вместо домового. Имеет принципиально иное происхождение — некоторые ученые до сих пор относят шушера к классу духов.

глава первая

Звездопад

Татьяна не понимала, почему тревога не отступает.

Вечер опускался медленно, как всегда бывает летом. Сначала он расправил покрывало сумерек, потом закрутился сизым туманом. Туман выползал из оврагов и плавно стелился вдоль поля, покрывая головки цветов пегой старческой сединой. И хоть солнце еще золотилось у горизонта, неотвратимо наступало колдовское время, которым в детстве ее пугала бабушка.

Тень от дома уже не казалась длинной — она просто слилась с почерневшим лесом, зато порожек все еще сверкал веселыми красными бликами. В следующий миг из щелей меж досками просочилась тьма и стало ясно, что солнце проиграло битву надвигающейся ночи.

Татьяна не любила деревню. В душе еще хранились теплые детские воспоминания об этом месте, но кроме них оставались еще и воспоминания Тани-подростка, которой здесь было нестерпимо скучно каждое лето. К тому же бабушка, в один день выжившая из ума, не щадила внуков и нагружала такой неинтересной, утомительной работой, что Таня твердо пообещала себе никогда не возвращаться в деревню.

Вернулась, конечно же. Вернулась, когда родители, чувствуя приближение старости, вдруг решили отремонтировать бабушкин дом и приезжать сюда хотя бы на вы-

ходные. Таня сама везла их, помогала разгружать коробки, разбирать сумки с продуктами. А потом... потом случилось странное и страшное, о чем вспоминать совсем не хотелось.

Она нахмурилась и опустила на лавку. Произошло это давно, лет десять назад. Мать с отцом как раз проводили отпуск в деревне, когда в соседнем селе приняли решение восстановить еще до войны разрушенную церковь. Про церковь ходили странные слухи — это было первое, о чем вспомнила тогда Татьяна. Молодую девчонку гораздо больше интересовали сказки соседа, чем причина, по которой местные вдруг взялись за реконструкцию. Поговаривали, будто два раза в год из церкви показывалась женщина с длинными седыми волосами. У тех, кто ее видел, неме-ли ноги и руки и на время пропадал голос, так что никого позвать они не могли. Женщина сворачивала на кладбище, а там исчезала. Мальчишки утверждали, что по ночам в церкви светилось окно, будто кто-то зажег свечи. Они же сказали Татьяне, что, если церковь восстановить и привести в порядок, нечистая сила сгинет.

Откуда ни возьмись понаехали паломники, вызвавшие-ся помогать со строительством. Некоторые из них устроились прямо в деревне, напросились пожить в домах местных, вот и Татьянины родители — умные, современные и насквозь городские — приютили у себя одного такого мужичка. Тот быстро подружился с отцом, вместе они удили рыбу, а потом и таскали от станции материал для церковной крыши. Отец был в восторге от постояльца, особенно от его карточных фокусов и трюков с исчезновением яблока из-под перевернутой миски, которыми тот развлекал всю деревню. Тане история эта не нравилась. Конечно, мать обвиняла ее в излишней подозрительности — ну что сделает щуплый незнакомец, работяга, божий человек? Только вот сделал. Прошел месяц, паломники закончили строительство и засобирались в дорогу. Прихватили с собой и Таниного отца. Словно заколдованный, пришел он утром и объявил, что навсегда уходит.

С тех пор никто его не видел. Вот уже десять лет Татьянина мать старела в этой малолюдной деревушке, наотрез отказываясь возвращаться в город. И вот уже десять лет как ненавидела и боялась Татьяна всех чужаков да божьих людей. И теперь ей показалось, что история повторяется.

Утром ее разбудил звонок. Звонила мама, бодрым голосом пересказывала последние новости: в деревню прислали детишек, подростков из воскресной школы на помощь старикам. Распределили по двое–трое на каждый дом, оплатили добрым жителям пропитание, взяли со стариков обещание раздавать подросткам работу по дому и саду. Мама восхищалась, без устали описывая и милую девчущку, и приятного паренька, поселившихся у нее. Она рассыпалась в комплиментах, раза три упомянула об их скромности и даже не насторожилась, слыша в ответ лишь молчание. Татьяна бледнела с каждым ее словом. В тот же день она отпросилась с работы, собрала сумку и рванула в деревню.

Встречали ее накрытым столом да таким пиром, на который мать отродясь не была способна.

— Доченька! Мы тебя заждались!

— Но я же не предупредила, что приеду! — ответила Татьяна, застыв в дверях. — Почему вы меня ждали? С какой стати все это готовили?

Взгляд ее уцепился за двух незнакомцев. За столом сидела девушка — на вид лет пятнадцать–шестнадцать — рыжие волосы на прямой пробор заплетены в косу, платье простое, из небеленого льна, похожее на рабочую рубашу; на груди болтается подвеска — должно быть, крест. Девчонка выглядела так, будто и впрямь выросла в монастыре. Парень казался старше ее, улыбался смиренно, даже дружелюбно.

Татьяна хотела повторить вопрос, но вдруг забыла его суть. Спина взмокла, в горле встал ком... Что-то было не так... Что-то не сходилось в этой идеальной картинке... Но мама — все та же привычная мама в брюках и легком свитере — уже вела ее к стулу и предлагала присесть с дороги.

— Познакомься, это мои помощники. Лан. — Она указала на парня, тот протянул над столом руку и уверенно пожал Танину ладонь.

— Лан? Это настоящее имя?

— А это Василисушка. Посмотри, какая душенька! — Мама заботливо погладила по голове рыжую девицу, которая скромно потупила глаза.

— Выходит, вы оба из церковной школы?

— Да. — Лан принялся раскладывать по тарелкам салат. — Нас отправили сюда, к потусторонним. Отрабатывать нака...

— Помогать! — спохватилась Василиса и вдруг рассмеялась. Щеки ее то ли сами зарделись, то ли угасающее солнце скользнуло через окно и оставило красный блик на тонкой коже. — На лето. Знаете, вместо лагеря.

Татьянина мама тоже засмеялась, Лан подмигнул и растянулся в улыбке, и только Татьяна не могла взять в толк, что происходит. Она хотела спросить о чем-то, задать такой вопрос, который все расставил бы по местам, но нужная мысль все время ускользала. Тогда она решила сдаться, принялась за салат и снова взглянула на девушку: та вернулась из сеней с кувшином компота. Платье ее и впрямь было сшито из серого льна, но теперь вовсе не походило на бесформенную монастырскую рубаху. Разве ходят послушницы в таких? Разве их юбки, пусть и льняные, пусть длинные, должны перекатываться такими игривыми складками, а лиф — так обтягивать грудь? Слишком хорошенькой выглядела эта улыбчивая Василиса. Может, конечно, воскресная школа — это и не монастырь, но надо же соблюдать приличия!

— Сколько вам лет, Василиса? — спросила Татьяна.

— В октябре будет восемнадцать.

— А вы... — Она не договорила. Взгляд ее упал на подвеску, что болталась у рыжей на груди. Никакой это был не крест, а самый настоящий драгоценный камень на тяжелой золотой цепи: огромный, гладкий, переливающийся.

«Ведьмовской», — вдруг пришло в голову слово, и в глубине драгоценного камня закрутился тонкий зеленый дымок. Татьяна быстро перевела взгляд на Лана: у того на шее тоже красовалась подвеска, и она тоже не имела ничего общего с крестом. На плетеном шнурке белел самый настоящий птичий череп с сизыми тенями в бороздках кости.

— Что тут... — снова начала она, ухватившись за обрывок давно мучившей ее мысли.

Но ее прервали. Хлопнула дверь, мама вскочила со стула и ввела в комнату пожилую женщину. Незнакомка была низенькой, тонкой, но спину держала прямо. От нее исходило ощущение странной силы. Татьяна никогда раньше не видела у старых дам таких длинных волос, да еще и уложенных столь причудливо.

При ее появлении Василиса с Ланом мигом поднялись на ноги и замерли у стола.

— Танюша, познакомься! — Мать Татьяны воодушевленно кивнула на гостью. — Это Вера Николаевна. Настоятельница воскресной школы. Она приходит по средам проведать подопечных. — Вера Николаевна, это моя дочь.

— Как приятно!

— И мне, — пробормотала Татьяна, непроизвольно сжимаясь под взглядом странной гостьи. В теле разлилась нега, будто кто-то разом отключил все волнения и подозрения, нажав на таинственную кнопку.

— Вы так устали, Таня, — ласково проговорила настоятельница, и ее рука — почему-то совсем молодая, крепкая рука без старческих морщин и скрюченных пальцев — мягко коснулась ее плеча. — Город вас совсем вымотал. Вы ведь живете в городе? Надеюсь, вы не будете против, если мои воспитанники немного погостят в вашем доме?

Припомнив каждую деталь этого вечера, Татьяна встрепенулась. Лавка под ней больше не была нагрета дневным солнцем, все погрузилось в тень, лишь рдяная полоска заката растянулась над лесом. Купол неба почернел, на нем замерцали первые звезды. С березы сорвалась стая воро-

нов, рваные крылья понесли их в сторону деревенского кладбища. Татьяна поехала и пошла в дом. Все готовились ко сну, ходили тихо, разговаривали вкрадчивым полупшепотом. Василису так и хотелось уличить в чем-то нехорошем, слишком уж милой и покладистой она казалась. Да и Лан этот был тоже чересчур хорош! Но сколько Татьяна ни наблюдала, ни разу не заметила, к чему можно придаться. Парень с девушкой вели себя скромно, знаков внимания друг другу не оказывали, хотя и бросались помогать по первому зову. Заподозрить их в связи, которая не приветствовалась бы среди воспитанников воскресной школы, оказалось невозможно. Но Татьяна не сдавалась. Интуиция заставляла ее все время быть начеку.

Когда солнце окончательно село и сеанс новостей по телевизору закончился, мама принялась убирать со стола. Лан вызвался помыть посуду, Василиса попрощалась и ушла в сени. Только лишь комната опустела, Татьянина тревога отступила, в нос ударили запахи деревенского дома, молока и блинов. В теплую тишину ворвалась песенка сверчка за стеной. Татьяна улеглась на пуховые подушки. На деревню опускалась ночь. Туман стал плотнее: он закручивался вокруг изогнутых яблоневых стволов, лип к окнам, что-то прятал от глаз ночных птиц... Татьяна провалилась в сон, но сон этот не был глубоким. Туман пробрался и туда, он втек прямо через окно, укрыл призрачной скатертью стол, застрял в кувшине из-под молока. Татьяна бродила по дому и не узнавала его, лишь чувствовала, как за ней наблюдают чьи-то глаза. В дверном проеме мелькнула фигура умершей бабушки, но стоило Татьяне приглядеться, как бабушка растворилась в туманной пелене, рассыпалась не то в пыль, не то на тысячи влажных капель. Ноги сводило от холода, сердце выстукивало нечеловеческую дробь. Резкое движение заставило Татьяну вскрикнуть в полный голос. Она обернулась, всплеснув руками — руки во сне казались чужими, — и едва не онемела от ужаса: на столе сидела белка. Ее глазки-смородинки

остро блестели, делая ее похожей на бездушную игрушку. Это показалось самым жутким. Татьяна не выдержала и открыла глаза.

Она сразу поняла, что заснуть больше не сможет. Дом погрузился во тьму, и Татьяна с трудом различила собственные пальцы, вытянутые перед глазами. Да, теперь это были ее руки. Она старалась не глядеть в сторону стола, мысленно ругая себя за трусость. Встала, нащупала халат и тапки и бесшумно выскользнула из комнаты. В сенях тоже было темно и тихо, гости спали по своим кроватям, рассмотреть удавалось только бесформенные коконы из подушек и одеял. Татьяна подтолкнула плечом дверь и вышла на улицу.

Ночь оказалась на удивление теплой. Подумать только, она почти никогда не гуляла здесь по ночам! Лишь в далеком детстве отец выходил с ней посмотреть на звезды, да спустя несколько лет после того она сбегала в клуб в соседнее село и вернулась к утру. Но она не помнила ни такого душного воздуха, ни отчетливого запаха цветов.

За забором раскинулось поле. В ее детстве его засевали овсом, а теперь оно заросло лохматыми спутанными травами и тонкими березками. Сквозь него вела едва заметная тропка, которую протоптали рыбаки: так они срезали дорогу до затянутого ряской прудика, где ставили сети в те дни, когда дома заканчивались всякая еда, водка и последние деньги, — тогда и самая мелкая рыбешка казалась желанным угощением.

Татьяна прислушалась. Показалось, что над полем просквозила песня. Несколько минут Татьяна стояла почти не дыша — ветерок и впрямь доносил звуки, похожие на голоса, но поверить в это было трудно. Или страшно. Кто тут может петь? Да еще и среди ночи?

Она потопталась на месте: не идти же за забор, в этот травостой, в темную, неизвестно что скрывавшую ночь? Да одной, без фонаря... и вдруг звуки утихли. Резкая тишина оглушила пустотой. Татьяна продолжала жадно прислуши-

ваться, но молчали и птицы, и деревья. Небо безмолвно глядело на нее сверху вниз, моргая звездами: тишина лилась прямо оттуда.

Она не выдержала и толкнула калитку. Роса просыпалась прозрачным бисером на голые ноги, намочила подол халата. Татьяна помнила эту тропинку более хоженной: когда она ступала по ней в последний раз, травы не стояли ей по плечо.

Вдали прокричала кукушка, блеснула на востоке светлая полосочка неба. Тишину вновь прорезали голоса, повторявшие неразборчивые слова. По спине пробежал мороз: голоса звучали не мелодично, будто хором читали стихотворение со скачущим, рваным ритмом.

Надо вернуться домой! Но едва она это представила, как поняла, что будет бежать сломя голову, путаться в крапиве и тимофеевке, изрежет осокой кожу и от ужаса станет надрывно, истерично хватать ртом воздух. Воображение напугало ее, и Татьяна пошла вперед, стараясь ступать тише и пригибаться, чтобы стать незаметнее. Так она подкралась почти к самому пруду. Страх немного отступил. Вокруг пруда, с одной стороны прямо по топкому берегу, с другой — по мягкой траве скользили девушки. Их было шестеро, и все они были раздеты догола, лишь длинные волосы укрывали их спины. Через каждые несколько шагов они останавливались, поднимали над водой руки и продолжали свою завораживающую песню. Кусты на противоположном берегу раздвинулись, и показалась еще одна девушка — седьмая. Она скинула светлый сарафан и присоединилась к остальным.

Татьяна пыталась понять, что же они делают. Еще совсем недавно мама по телефону рассказывала ей, что в конце июня три девушки, приехавшие погостить в деревню к родне, вдруг среди ночи пошли на пруд купаться. И все три семьи описывали их поведение одинаково: девушки, хоть и знакомые друг с другом, но не дружившие, вместо того, чтобы готовиться ко сну, принялись искать полотенца